

Статья подготовлена для научного журнала «Политический вектор – М», выпуск №2, 2013.

Барандова Т.Л.

Биополитика современного государства в сфере пенитенциарных практик: основные философско-политические концепты и дебаты

Biopolitics of the Contemporary State in the Field of Penitentiary Practices: Major Philosophical Political Concepts and Debates

В статье приводится краткий обзор подходов к направлениям биополитики в современном государстве, а так же философско-политологической теоретической рамки (пере)осмысления феномена наказания как властно-политической практики, продиктованной целями и ценностями государства, и на обзор правовых/юридических документов, с помощью которых реализуется защита прав в сфере уголовной юстиции и пенитенциарных отношений.

Ключевые слова: биополитика и биоконституционализм, политическая технология тела, государственная власть, пенитенциарные отношения, права человека.

The article provided short review of the theoretical approaches for the analysis of biopolitics/biopolicy in contemporary state, as well as philosophical and politological frame of (re)thinking phenomenon of punishment as the political practice, included in the goals and values of the state, and on the legal/juridical documents for human rights protection in the criminal justice and penitentiary relations fields.

key words: biopolitics/biopolicy & bioconstitutionalism, political technology of the body, state power, penitentiary relations, human rights.

(Пере)осмысление политики и права в контексте современности

Современность, вооруженная результатами знаний, полученных с помощью использования новых (высоких) технологий, коренным образом ломает устоявшиеся представления не только о многих концептуальных понятиях (продуктах мыслительной деятельности человека), но и о фундаментальных феноменах жизнедеятельности (биологических и социальных оснований для разработки политики и права)¹. В частности, учеными (и консервативными активистами) вопрошаются что есть сама жизнь, в какой момент она начинается и заканчивается... Достижения генетики, например, демонстрируют чрезвычайную сложность таких научных проблем, как наделение правами нерожденное

---

¹ Подробно рассмотрено в: Олескин А.В. Биополитика. Философский фундамент. Эволюционно-биологический подход к политическим системам политической деятельности. Применение к политической практике. – М.: Научный мир, 2007. – 365 с.

человеческое существо (эмбрион), идя еще дальше и размышляя уже о стволовых клетках, как прототипах жизни (не только человека, но и животных).

Биологически «живое» в научно-правовой рефлексии актуализируется как совокупность приложений современных наук к социально-политической проблематике государств и сообществ от локального до глобального уровней². Например, вопрос о должном отношении человека к планетарному биоразнообразию уже давно стоит на повестке дня политического и общественного активизма, в русле его решения вырабатываются нормативно-правовые регуляторы (экологическое право и права человека на чистую окружающую среду, реализуемую в практическом подходе «социальной экологии» в Европейской модели социальной политики³, концепт прав животных и т.п.). Это направление является одним из подходов к разработке биополитических исследований.

В XX веке, переосмысливая догадки Ч.Дарвина⁴, человечество пережило несколько социо-гуманитарных политических катастроф, породивших(ся) в результате тоталитарных философий и идеологий такие понятия как «евгеника» и «расизм», отразившиеся в практиках дегуманизации населения тоталитарных режимов, жертв холокоста и порождении ненависти человека к человеку на основании идеологических измышлений относительно «различий». Вопросы этического в публичной политике⁵, как и использования биологических (эволюционистских и системных) концепций и методов к пониманию политического поведения в т.ч. многоэтнических государствах, изучения социальных коммуникаций человека в рамках политической психологии и конфликтологии, выразились в создании комплексного понятия «безопасность человека»⁶ и «мультикультурализм»⁷, которые вызывают широкий дебат как исследователей, так и политических теоретиков и практиков, который тоже можно отнести к вопросам изучаемым в русле биополитики.

Тем не менее, на современном этапе человечество уже предприняло попытку создания «внутренних механизмов безопасности» (термин М.Фуко, который будет раскрыт далее) для того, чтобы ограничить использование как неправовых, так и легальных инструментов дискриминации и уничтожения себе подобных, разработав множество документов

---

² Например, см.: Masters R.D. Biology and politics: linking nature and nurture // Ann. Rev. Polit. Sci. 2001. V.4. P.345–369.

³ Социальная Европа в XXI веке. Под ред. М.В.Каргаловой. – М.: Весь Мир, 2011 - 528 с.

⁴ Somit A., Peterson S.A. Darwinism, dominance, and democracy. Westport (CA): Praeger Publ. 1997.

⁵ Caldwell L.K. Biopolitics: science, ethics and public policy // Yale Rev. 1964. V.54. N. 1. P.1—16.

⁶ Концепт подробно отражен в Докладе ООН «Human Security» за 1994 год.

⁷ Осипов А.Г. Автономия, меньшинства и мультикультурализм: в чем смысл «управления многообразием»? // Мир России: социология, этнология. 2008. Т.17, № 1. С.102-121.

наднационального (надгосударственного) уровня, объединенных в права человека. Формулировки данных документов подчеркивают базовую мысль: человеческие существа, не зависимо от биологического пола, цвета кожи, состояния здоровья и т.п. в равной степени обладают правами и свободами для поддержания человеческого достоинства и развития личных способностей. Предполагается, что для реализации целей, например достижения гендерного равенства, государство и общество преодолевает культурные стереотипы, помогая индивидам реализовывать права и возможности, создавая условия, чтобы они могли вносить вклад в политическое, экономическое, социальное, культурное развитие и пользоваться результатами труда и жизненного творчества. Не смотря на то, что феминистские авторы критикуют концепт прав человека именно за «универсалистские» тенденции, без учета и введения в анализ дополнительных стратификационных характеристик (класс, раса, этничность, принадлежность к социальной страте, уровень образования, доход, территорию проживания и т.п.), дискурс, как решающий спектр проблематики нарушения прав, связанных с половой принадлежностью индивида и принадлежностью индивида к социальной коллективной группе «женщины», все-таки получает нормативное оформление и положение женщин во многих странах мира существенно улучшается. Прогресс в исследовательском и научном дискурсе способствовал тому, что в понимание прав человека происходит в повестке дня начала XXI века введение (практического, прикладного) анализа нарушений и разработки механизмов защиты прав человека, как биологического существа (т.е. фундаментально здесь именно право на жизнь). В рамках современных (западных) междисциплинарных исследований дискурс по вопросам идентичности, в том числе в правовом и в политологическом ключе, является определяющим для введение в концепт прав человека аспектов, связанных с сексуальной и гендерной идентичностью, в российской действительности проблемы нарушений прав человека в сферах применения гено- и биотехнологий, в т.ч. в репродуктивной сфере, ведется не столько в русле взвешенного развития научно-правового диалога вокруг концепта «биоконституционализм»⁸, а с позиций навязывания консервативной идеологической позиции (около)конфессиональных акторов политического процесса. Как область политической деятельности, динамика которой опирается на новые познания о живом (прикладные аспекты и регулирование генетических технологий, биоэтика, биомедицина и др.) биополитика представляет самый прямой интерес для современных нормотворческих/политических дискуссий и изучения.

---

⁸ Reframing Rights. Bioconstitutionalism in the Genetic Age / ed. by S.Jasanoff. The MIT Press. Cambridge, Massachusetts. 2011. P.305.

Однако все перечисленные выше подходы (каждый) требуют отдельной статьи, а в данном обзоре мы остановимся лишь на одной проблематике – пенитенциарных практик.

Еще один влиятельный ракурс понимания биополитики как совокупности политических мер по воздействию на биологическое начало в человеке и контроль за демографическими, сексуальными, поведенческими проявлениями жизнедеятельности людей (которые включают в себя политическая философия и социология), является, пожалуй, самым разработанным в контексте отечественной политико-социологической рефлексии. Классическим автором в рамках данного подхода является М.Фуко⁹. Именно в рамках его философских инсайтов, были сформулированы теоретические основы, используемые для анализа феномена «наказания» и переосмысления его в качестве политической практики, развитые Дж.Агамбеном. Рассмотрим их подробнее.

Наказание и право на жизнь в контексте дебатов М.Фуко и Дж.Агамбена.

Корни политических размышлений о феномене наказания уходят в Античность, но с XVIII столетия политико-правовая и социально-философская мысль претерпевала трансформации в сторону его гуманизации. С середины XX века научные рефлексии повлекли за собой идеи коренного реформирования пенитенциарных систем в большинстве европейских обществ, явившиеся не в последнюю очередь следствием переосмысления наследия как властных институтов реализации правосудия, так и практик осуществления наказания и восприятия его со стороны общества в тоталитарно-репрессивных политических режимах первой половины прошлого столетия. «Политизация жизни», т.е. «всё возрастающее значение природной жизни человека внутри механизмов и расчетов власти»¹⁰ и изучение политического, исходящее из утверждения, что «современный человек – это животное, в политике которого его жизнь как живущего существа, ставится под вопрос»¹¹ (на примерах политики тоталитарных государств XX века от больниц и тюрем, до концентрационных лагерей, и посредством изучения форм насилия и наказания), приобрела размах в современном государстве. Как если бы всякое решающее политическое событие всегда имело две стороны: пространства, свободы и права, которые индивиды отвоевывают в конфликте с централизованной властью, приводят к тайной, но постоянно усиливающейся фиксации их жизни

---

⁹ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с франц. А.В.Дьяков. СПб.: Наука, 2010.

¹⁰ Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011

¹¹ там же

государственным порядком, создавая тем самым новую и более опасную опору для суверенной власти, от которой они хотели бы освободиться...

М.Фуко постулировал, что «право» на жизнь, на тело, на здоровье, на счастье, на удовлетворение потребностей недоступно для понимания в рамках классической юридической системы, но понимаемое как «права человека» оно становится по ту сторону всяческих притеснений и позволяет обнаружить то, что мы есть, и то, чем мы можем быть...и является политической репликой на новые процедуры власти, а Дж.Агамбен отмечал, что в буржуазных демократиях притязания «голой жизни» приводят к главенству частного над публичным, личных свобод над общими обязанностями, а в тоталитарных, наоборот, становятся важнейшим политическим критерием и идеальным пространством для решений верховной суверенной власти. В частности, изучая проблему взаимовлияния государственного права и человеческой жизни, можно отметить у Дж.Агамбена, подмечающего, что при потере границы между этими понятиями, оба они исчезают в недрах «исключительного/чрезвычайного» положения. Данное положение превращает жизнь человека в объект ведения со стороны экспертной власти над «биологической» компонентой личности в рамках цели исполнения права¹². В «зазоре» между гражданским положением, основанном на государственном праве, и фундаментальными правами человека, основанными на принадлежности к биологии, т.е. жизни, и лежат его размышления.

М.Фуко обратил внимание на исторически складывавшиеся механизмы «дисциплинирования» посредством надзора, всеобщего контроля над поведением, исследуя локальные формы власти находящейся на нижних пределах своего проявления, касающихся воздействия на тела индивидов (биополитики), а не только на глобальные формы господства. Рассуждения Фуко отвечают современным западным представлениям о власти как о феномене, принудительно действующем на отдельную личность и контролирующем ее в повседневных практиках, но при этом остающемся противоречивой, неожиданной и непредсказуемой (т.е. мистической, иррациональной), рассредоточенной по разнообразным сферам и существующей в виде дискурсов. Его работа «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975), могла бы явиться образцом исследования трансформации дискурсов об изменении отношения общества и «властных институтов» к преступлению, к тому, как происходила «гуманизация» наказаний,

---

¹² Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011; Агамбен Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение. М.: Изд-во «Европа», 2011; Агамбен Дж. Номо sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Изд-во «Европа», 2012

менялись его виды и формы¹³ В данной работе Фуко описывает теорию "паноптизма" (полной поднадзорности), идею которой позаимствовал у Д. Бенгема, предложившего в конце XVIII в. архитектурный проект тюрьмы "Паноптикон" с располагавшимися по кругу камерами и центральной башней, откуда ведется постоянное наблюдение и никто из заключенных не может быть уверен, что за ним не наблюдают, а в результате – начинает самостоятельно контролировать свое поведение. Французский философ отличался глубоким осмыслением взаимосвязей между властью и знанием (в частности, различных вовлеченных «экспертов», заменивших палача), и воплощением этой связи в правовых институтах. В частности, в отношении «наследственности» недавней российской истории наказаний он высказал ряд гипотез в тексте «Власть и стратегии»¹⁴, которые представляют размышления над причинами возникновения ГУЛАГа.

Итак, согласно Фуко все социальные отношения являются властными отношениями, а власть понимается в качестве «совокупности процедур, призванных сооружать, поддерживать в исправности и совершенствовать механизмы власти, - так вот, данные отношения не являются автогенетическими, автосубзистарными, содержащими в себе свои собственные основания», следовательно «если вы намерены вести борьбу, вам нужно учитывать некие ключевые обстоятельства, видеть активность неких элементов, обратить внимание на некие преграды и препятствия»¹⁵. Он развивает мысль о том, что элементарный закон уголовного права в форме запрета совместно с соответствующим наказанием за его нарушение, помещает человека в определенные рамки двойственности, где с одной стороны начинает функционировать система различных наблюдений, проверок, действий по надзору и контролю, а с другой стороны в сферу наказания, представленную «практикой заточения», в пространстве которой подвергается воздействию серии процедур по его трансформации, т.е. «пенитенциарным техникам». Фуко заявляет: «форма, предполагающая утверждение закона и фиксацию наказания для тех, кто его нарушает, - это система кода законности с бинарным разбиением на дозволенное и запрещенное... это дисциплинарный механизм, характеризующийся тем, что внутри бинарной системы кода обнаруживается третий персонаж, а именно виновный...»¹⁶. Вне отмеченного кода находится целый ряд техник, обеспечивающих процедуры «возможной обработки индивида». Фуко подчеркивает, что речь идет о

---

¹³ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью /Пер. с франц. С.Ч.Офертаса под общ. Ред. В.П.Визгина и Б.М.Скуратова. – М.: Праксис, 2002.

¹⁴ там же. С.312-314.

¹⁵ Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. Перевод с французского В.Ю. Быстрова, Н.В. Суслова, А.В. Шестакова. - СПб., Наука, 2011. с. 14.

¹⁶ там же. с.17-19.

техниках, которые создают предпосылки к «новоевропейской» системе законности, оформляющейся с появлением новых видов карательных мер и развитием процедуры калькуляции издержек наказания¹⁷.

По Фуко, «техника исправления вытесняет в наказании собственно искупление содеянного зла и освобождает судей от презренного карательного ремесла», однако «наказание вообще и тюрьма в частности принадлежат к политической технологии тела»¹⁸. Не смотря на то, что орудием наказания служит тело человека, но оно используется с целью «воздействия на душу» путем ограничения в правах, поскольку «если на него воздействуют тюремным заключением или принудительным трудом, то единственно для того, чтобы лишить индивида свободы, которая считается его правом и собственностью»¹⁹. На достижение этой цели, согласно Фуко, направлена современная система исполнения наказаний, но «знание, методы, "научные" дискурсы формируются и постепенно переплетаются с практикой власти наказывать»²⁰, а наказание является не только общественно-этической функцией, но и политической стратегией органов власти. Обе – исправительная и дисциплинарная – техники практик наказания обнаруживают в себе нечто подобное механизму безопасности, а в его лице «мы имеем дело с поистине невиданной активизацией сферы права, поразительным разбуханием кода правовой законности, призванного обеспечить функционирование этой системы безопасности». Техники трансформируются и усложняются, но главное, что «претерпевает метаморфозу структура корреляции между механизмами правовой законности, механизмами дисциплинарными и механизмами безопасности»²¹.

На индивидуалистическом уровне, Фуко отмечает, что уже в XIX веке «наказывая худшего из убийц, нужно видеть и уважать в нем хотя бы одно - «человека»... придет день, когда «человек», открытый в преступнике, станет мишенью уголовно-правового вмешательства, объектом исправления и преобразования, окажется в центре целого ряда странных наук и практик — «пенитенциарных», «криминологических». Но в эпоху Просвещения человек противопоставляется варварской жестокости публичных казней отнюдь не как тема положительного знания, а как законный предел: законная граница власти карать»²². Вопрос, которым задается философ, заключается в поиске решения проблемы того, «как человек-предел может быть противопоставлен традиционной

---

¹⁷ там же. с.20.

¹⁸ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Перевод с французского Владимира Наумова под редакцией Ирины Борисовой. "Ad Marginem", 1999. Предисловие.

¹⁹ там же. Предисловие.

²⁰ там же.

²¹ Фуко..., 2001. с.22.

²² Фуко..., 1999, с. 106.

практике наказаний?»²³. Мы видим здесь в качестве одного из возможных ответов обращение к механизмам защиты прав человека, вообще каждого и/или конкретного, подвергнувшегося пенитенциарным отношениям.

На общественном/массовом уровне, в поздних работах он отмечает, что «ориентация на безопасность привела к такому злоупотреблению дисциплинарными техниками..., что общество охватило если не возмущение, то во всяком случае сильное беспокойство – для него этот удар оказался достаточно серьезным, чтобы вызвать с его стороны вполне осязаемую бурную ответную реакцию»²⁴. Эволюция этой реакции привела к появлению «технологий безопасности, складывающихся внутри приспособлений самого разного вида: будь то механизмы, которые действуют в пространстве социального контроля, как в ситуации с наказанием, или механизмы, призванные модифицировать биологическое существование людей»²⁵. Мы склонны рассматривать далее институт Омбудсманов (российский аналог – Уполномоченный по правам человека) в качестве одного из таких институционализированных механизмов «технологий безопасности» для человека, в т.ч. и тех граждан, которые находятся в пенитенциарных отношениях. Тем более, что следуя развитию мысли М.Фуко, помня о том, что мы остаемся в русле учета государственного интереса, который в современности не в последнюю очередь базируется на интересе рациональном – экономическом и внешне/внутриполитического равновесия, - подходим к и вопросам модификации государственного управления, при которой основополагающей целью становится внедрение механизмов безопасности в естественных феноменов и процессов, свойственных населению. Отсюда проистекает предписание «свободы не только как права индивидов, законно противостоящих власти, узурпации, злоупотреблениям правителя или правительства, но и свободы, становящейся элементом, необходимым для самого управленчества»²⁶. Эта точка зрения близка позиции Ф.Ницше, считавшего, что при любом варианте угнетения, угнетенные борясь за справедливость, в принципе оправдывают желание «власти для себя», а история представляет нескончаемую борьбу за господство, т.о. власть может проявляться и как репрессивно-подавляющая субстанция, и как освобождающая сила. Фуко прямо заявляет: «Не соблюдать свободу – значит не только осуществлять злоупотребления по отношению к закону, но главным образом не уметь управлять, как следует»²⁷.

---

²³ там же. с. 107.

²⁴ Фуко... 2011, с. 25.

²⁵ там же. с. 26.

²⁶ там же, с. 445.

²⁷ там же, с. 445-446.

Биополитические и/ли нормативные практики государства в вопросах наказания?

С точки зрения осмысления вопроса наказания, в политико-правовых, прикладных криминологических и пенитенциарных дискуссиях, значительную роль играют работы норвежского философа права Н.Кристи. Он осмысливает проблематику уголовного, в частности, наказания в моральных и экономических контекстах осуществления государственной власти наказывать, отмечая при этом влияние социально-экономического спектра воздействий на пенитенциарные отношения. Уделяя серьезное внимание технологическим нововведениям рассмотрения тюрьмы как «продукта» в «торговле правом исполнять наказание» и в «торговле правом осуществлять надзор», Кристи выходит на вопросы об «уместном количестве страданий» для человека в заключении²⁸. Не ограничиваясь нормативными рамками, регулирующими отношения внутри пенитенциарной системы, он затрагивает широкие пласты политико-общественных отношений, которые вскрываются через изучение системы исполнения наказаний, отмечая, что «преступление – это понятие, применяемое в определенных социальных ситуациях, когда это возможно и соответствует интересам одной или нескольких сторон»²⁹. Более того, он развивает позицию о том, что «закон создает преступления», следовательно, «надо попытаться вскрыть предпосылки уголовного закона, основания уголовно-правового запрета, попытаться выявить и осознать те социальные структуры и процессы, которые с неизбежностью предопределяют возникновение тех или иных правовых категорий и институтов, и конструктивно на них воздействовать»³⁰. Следуя данной логике, закономерно автор выходит на то, что (функционально, идеологически и экономически) борьба с преступностью становится важным компонентом сферы политического, прямо заявляя, что «большинство политиков мечтает о том, чтобы главенствовали законы, особенно уголовные. Объяснение этому достаточно простое... В условиях внеполитической экономики, отсутствия налоговых средств для социальных реформ, в обществе, где прочно установился монолит и где даже иностранные и военные политики не представляют никакого интереса вследствие окончания холодной войны, в этой системе преступление выходит на тот план, который

---

²⁸ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца / Пер. с англ. А.Петрова, В.Пророковой. Предисл. Я.Гилянского. 2-е изд. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. – 224 с. (а);

²⁹ Кристи Н. Пределы наказания. М.: издательство “Прогресс”, 1984. (Вступ. статья А. М. Яковлев, В. М. Коган)

³⁰ там же

раньше занимала политика»³¹. Апогеем анализа становится его концепт «опасного государства», о котором можно сказать, что это такое государство, «которое применяет понятие опасного индивида ко всем своим гражданам... озабочено преступностью вообще, а не опасностью, исходящей от определенных индивидуумов, совершивших особо опасные преступления»³² [Кристи, 2001б]. В качестве разъясняющей характеристики, подчеркивается, что в опасных государствах «заключение под стражу практикуется по таким малозначительным поводам... В этих государствах чрезвычайную опасность усматривают в повторном совершении подобных деяний. Подобная трактовка опасных преступлений неимоверно увеличивает объем государственного вмешательства. Государства начинают представлять опасность для своих граждан тем, что приравнивают преступления (в их понимании) к опасности, а лиц, совершающих их, - к лицам, представляющим опасность»³³. Среди примеров для своих исследований Н.Кристи включал и российские исторические реалии, посвятив им целую главу «Русский вопрос» в одной из своих монографий³⁴.

Наказание со стороны государства, являясь практикой, продиктованной определенными ценностями, позволяет официальным лицам оправдывать и сам институт наказания, и свои деяния внутри него, ссылаясь на легитимизирующие цели, апеллирующие к нормативным теориям... Непосредственно политические теории по-разному затрагивают различные аспекты полномочий государства и предусматривают различные типы взаимоотношений между органами государственной власти и отдельными гражданами. Коммунитарные теории государства не склонны разграничивать интересы граждан и государства, акцентируя внимание на коллективном благе, чем придают государству значимую роль в обеспечении коллективного благосостояния и защиты общественных ценностей, готовы защищать интервенционистскую и патерналистскую форму пенитенциарной системы и пропагандировать кодекс коммунитарных целей (таких, как социальная реабилитация, моральное перевоспитание и реинтеграция преступников). В либеральных теориях преобладает интерес к состоянию индивидуальных прав и свобод, обеспечению граждан надежной правовой базой, внутри которой те могли бы самостоятельно строить свою жизнь и делать

---

³¹ Кристи Н. Об опасностях сверхкриминализации. / Центр содействия реформе уголовного правосудия: <http://www.prison.org/lib/christy4.shtml> (дата обращения 12.09.2012)

³² Кристи Н. Опасные государства. Перевод с английского Александра Богдановского. - Индекс/Досье на цензуру. № 13-14, 2001(б)

³³ Кристи Н. Опасные государства. Перевод с английского Александра Богдановского. - Индекс/Досье на цензуру. № 13-14, 2001(б)

³⁴ Кристи..., 2001 (а)

собственный выбор блага³⁵. Либеральные принципы, позволяющие государству наказывать своих граждан, одновременно налагают и ограничения на властные полномочия (наказывать не более сурово, чем это необходимо для обеспечения целей наказания), а государственные институты уголовного судопроизводства не должны бесцеремонно вторгаться в личную жизнь и посягать на личную свободу граждан³⁶. Как отмечают Дафф и Гарланд, «всегда существует несоответствие между заявленными целями той или иной стратегии и ее конкретным применением на практике; несомненно также, что всегда существуют некие латентные цели, которые официальные лица не склонны предавать огласке. Но всякий адекватный анализ пенитенциарной практики вынужден будет понять нормативные обоснования, которыми продиктовано поведение государственных чиновников»³⁷.

Таким образом, адекватен вопрос изучения практик (не)соблюдения прав человека, находящегося в ведении пенитенциарной системы, а в потенциале его можно рассматривать и как индикатор уровня репрессивности государственной политики, и как элемент прикладного анализа социального благополучия/безопасности самих уязвимых групп (находящихся в местах заключения) и общества в целом (вкл. не только родных и близких, а всю окружающую среду, в которую выходит человек после отбывания наказания в виде лишения свободы)³⁸. Но любой возможный ответ на такой вопрос должен быть подкреплен адекватным пониманием нормативных рамок и спектра защиты прав человека для данной категории лиц.

Права человека, как консенсус в пенитенциарных отношениях

Правовое закрепление рассмотренных философских тезисов на уровне международного сообщества произошло во второй половине XX века в русле развития системы защиты прав человека. Многочисленные международные документы представляют инструмент воздействия для согласования усилий государств в разрешении проблем их уголовно-исполнительной политики. Разработаны и приняты как **инструментальные механизмы** (стандарты ООН и Совета Европы, Всеобщая

---

³⁵ *Международные институты защиты прав человека. Система ООН: учеб. пособие / авт.-сост. Т.Л. Барандова; под ред. А.Ю. Сунгурова. Сер. Библиотека Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ. Вып. 9. СПб.: Норма, 2010.*

³⁶ *Дафф Э., Гарланд Д. Размышления о наказании // Индекс. Досье на цензуру. 2003. № 18 // <http://index.org.ru/journal/18/18-daffgar.html>*

³⁷ там же

³⁸ попытка эмпирического анализа обозреваемого измерения на российской действительности приводится в: *Барандова Т.Л. Уполномоченный по правам человека: концептуальные подходы и реалии отечественной пенитенциарной системы / Журнал исследований социальной политики. - №4, 2012. - с. 505-520.*

Декларация прав человека, Международный Пакт о гражданских и политических правах, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, Рекомендации Комитета министров государств-членов СЕ о содержании под стражей в ожидании судебного разбирательства, Рекомендации Комитета министров государств-членов о европейских пенитенциарных правилах, Стандарты Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП)³⁹ и другие), так и *институциональные механизмы* (Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Комиссия ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, ЕКПП, Омбудсмены и международные/национальные общественные правозащитные организации).

Основополагающим документом являются Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, дополненные специальными резолюциями Экономического и Социального Совета ООН. Правила предусматривают следующее: 1) каждый заключенный должен быть обеспечен одеждой, которая не должна быть позорящей или унижающей его достоинство; 2) для всех заключенных должны быть созданы условия для продолжения образования, религиозного отправления, культурной деятельности; 3) режим, принятый в пенитенциарном заведении, должен сводить до минимума разницу между жизнью в тюрьме и на свободе, а перед завершением срока наказания необходимо принимать меры к возвращению к жизни в обществе; 4) в обращении с заключенными необходимо подчеркивать не их изоляцию от общества, а то, что они продолжают оставаться его членами; 5) органы тюремного управления должны заботиться о тщательном подборе персонала. Минимальные стандартные правила, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), были разработаны дополнительно.

Для функционирования механизма обеспечения прав человека принят Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, согласно которому должностные лица обязаны защищать любых лиц от противоправных действий, но обеспечивая правопорядок, обязаны заботиться об охране здоровья задержанных лиц, принимать меры по медицинскому обслуживанию тех лиц, которые в этом нуждаются.

---

³⁹ Тексты докладов ЕКПП можно скачать: <http://www.cpt.coe.int/lang/rus/rus/standards.doc>

Вкладом в защиту прав заключенных стало принятие Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (в основу положена ст. 9 Всеобщей декларации прав человека), где главным предназначением является обеспечение задержанным режима, соответствующего статусу не осужденных, т.е.: 1) лицо, задержанное по уголовному обвинению, имеет право на судебное разбирательство в разумные сроки или на освобождение до суда; 2) запрещается введение ограничений в отношении лица, для которого нет непосредственной необходимости задержания; 3) соответствующие власти должны принять меры для обеспечения помощи членам семьи задержанных и уделить особое внимание опеке над детьми, оставшимися без присмотра; 4) ни одно задержанное лицо не должно подвергаться во время допроса насилию, угрозам или методам дознания, которые нарушают способность принимать решения или выносить суждения; 5) задержанному лицу предоставляется право на посещение его членами семьи, на переписку с ними, обеспечивается возможность контактировать с внешним миром согласно разумным условиям и ограничениям, содержащимся в законодательстве конкретного государства⁴⁰.

Среди важнейших документов мировой пенитенциарной системы разработаны: Принципы медицинской этики о роли медицинских работников в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания, Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). На субрегиональном и национальном уровнях также ведется работа по развитию нормативной платформы (в т.ч. с учетом анализа практики деятельности Омбудсманов). В частности заслуживают упоминания Европейские Пенитенциарные Правила - общие принципы обращения с лицами, заключенными под стражу, которые характеризуют минимальные условия, которые рассматриваются Советом Европы в качестве приемлемых для обеспечения защиты указанных лиц от жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство человека обращения, поддержания дисциплины и порядка в пенитенциарных учреждениях.

Однако необходимо отметить, что в международном праве нет юридически обязательного документа, регламентирующего деятельность пенитенциарных учреждений и закрепляющего статус заключенных. Защита прав человека в мировой пенитенциарной системе стала предметом рассмотрения международного гуманитарного и международного уголовного права, что подтверждает социальную значимость проблемы.

---

⁴⁰ там же. с.50-66.

В этой связи институт Омбудсманов (российский аналог – Уполномоченный по правам человека) и ученые отражают видение места и роли мировой пенитенциарной системы в международном праве и защиты прав заключенных⁴¹.

Выводы

Публичные философско-политические дискуссии современности в целом подвергли сомнению тотальное право государства с помощью наказания добиваться морального порицания или просвещения правонарушителя, равно как и перевоспитания конкретных правонарушителей и их социальной реабилитации. Западные мыслители и исследователи обличили государственную власть в сверх-применении дисциплинарных и исправительных техник. В результате, в сфере отношений государства со своим населением, наметились фундаментальные изменения. М.Фуко отмечает, что «интеграция свобод и границ, свойственных этой свободе внутри области управленческой практики, - это стало теперь императивом» и ограничение вмешательств государственного управленчества, которые не будут обязательными, повсеместными, должно строиться на принципах стимулирования или манипулирования так, что «необходимо будет управлять, но не регламентировать», чтобы распалась «сверхрегламентирующая полиция»⁴².

Эстафету интеллектуальной борьбы философов восприняли политики и управленцы. С начала развития международного публичного права и системы прав человека, вопрос о наличии человеческого достоинства у людей, совершивших преступление и несущих наказание за него, был включен в дискурс правоведов и политиков на конкретно-прикладном уровне разработки механизмов обеспечения прав человека для всех категорий заключенных и лиц, ограниченных в дееспособности в связи с совершенным преступлением: задержанных, обвиняемых, подсудимых, осужденных, т.е. находящихся в сфере уголовной юстиции и пенитенциарных отношений. По нему в мировом политико-правовом измерении был достигнут консенсус, отчетливо выразившийся в разработке и принятии комплекса механизмов по нормативной регламентации и их институционального сопровождения. На уровне философии, для уменьшения степени опасности в современном государстве, необходимо навязать ему дискуссию о границах понятия «преступление» и ослабить тенденцию «наказания» в виде широкого применения лишения свободы⁴³, которое является инструментом биополитики.

---

⁴¹ *Rights of person deprived of their liberty: the role of national human rights structures which are OPCAT mechanisms and of those which are not / 9-10 April 2008 Workshop debriefing paper. Council of Europe, European Union, University of Padua. - Tipografia Eurooffset, 2009.*

⁴² Фуко... 2011, с. 445.

⁴³ Кристи... 2001 б

Татьяна Леонидовна Барандова

Выпускница факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, старший преподаватель кафедры прикладной политологии Национального исследовательского университета Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге, соискатель

Электронная почта: tbarandova@yandex.ru

Tatiana L. Barandova

Alumni Department of Political Science and Sociology at European University at St.Petersburg, Senior Lecturer on Department of Applied Political Science National Research University The Higher School of Economics in St.Petersburg, PhD scholar